

Люди киргизского искусства

Ленина влиял на него, как на человека.

Вот это высокое ощущение ответственности за долг артиста — характернейшая для Вячеслава Федоровича черта.

...Тридцать лет назад в город Фрунзе приехала группа выпускников Московского ГИТИСа. Решено было всем курсом отправиться в далекую Киргизию, чтобы положить начало новому театру. Прошел год.

И уже большинство товарищей по выпуску взяли обратные билеты до Москвы. Казаков остался. Сейчас он — единственный представитель того курса ГИТИСа. И не жалеет, что остался верным своему долгу.

Он не принимает особых, рассчитанных на эффект поз, должествующих изображать мыслителя, не подчеркивает, как сосредоточен Ленин. Просто ходит, просто разговаривает. Пристально всматривается в каждого встречного человека, вслушивается в его слова. И только иногда словно искра пробегают, короткая вспышка — поворот головы, быстрый, острый взгляд. Блеснула новая мысль. И тут же энергично, четко она формулируется, обретает плоть.

Ленин — человек. Казаков как огня боится переслащенных имитаций, подчеркнуто непринужденной манеры обращения. Демократизм Ленина не наигранный, это самая суть его натуры. И артист стремится передать подлинную любовь Ленина к людям, никогда не ослабевающий интерес к ним, к любому человеку. Играя словами, можно сказать, что Казаков в роли Ленина не подчеркнуто прост, а просто прост.

Вот, гуляя в лесу, он встречается беспризорных детей. Какую чувстви-

тельную сцену можно было бы тут разыграть! Но Казаков не перебарщивает. Он полон живого участия и вместе с тем острого интереса к встречным мальчишкам.

Такое точное владение гаммой приемов — свидетельство высокого профессионализма. И в роли Ричарда оно особенно пригодится.

Да, пора, наконец, вспомнить, по какому поводу написана статья. Вячеславу Федоровичу исполнилось пятьдесят лет. Происшествие маловероятное — давно ли играл он юного Ленина, молодого Гамлета, даже Керубино в «Женитьбе Фигаро»?

В таких случаях принято сообщать биографические данные. У Казакова они очень просты. Саратовский рабочий, потом студент театрального института, потом — артист Русского драматического театра имени Н. К. Крупской — вот уже тридцать лет. С четырехлетним перерывом, когда капитан Казаков прошел с боями несколько тысяч километров.

Принято еще говорить, что юбилей находится в расцвете творческих сил. Вячеслав Федорович не нуждается в подобных комплиментах. Он работает сейчас так, как работал всю жизнь и будет продолжать работать вне зависимости от юбилея.

И, наконец, полагается рассказать о творческих планах. Вот об этом, действительно, стоит поговорить.

Сыграв почти в трехстах ленинских спектаклях, Казаков очень хочет вернуться к роли Ленина. В новых пьесах. Постараться иначе, глубже и сложнее раскрыть его образ.

Кстати сказать, один из московских театральных деятелей, выступая на обсуждении работы театра им. Крупской в дни декады, сказал, что грешно коллективу, имеющему такого Ленина, не возвращаться постоянно к ленинской теме.

А еще есть мечта — сыграть короля Лира. Что и говорить, мечта дерзкая. Ибо Лира играли самые знаменитые корифеи мирового театра. Чтобы браться за такую роль, надо иметь в голове своего Лира. Но Вячеслав Федорович научился дерзать, научился искать свои решения.

Доброго пути, новых дерзаний!
К. ДИКУНОВ.

ДОЛГ АРТИСТА

— У шекспировского Ричарда необыкновенно сложный характер. Вот смотрите, граненый стакан. Поверните его одной гранью, он так засветится, поверните другой — иначе, третьей — еще по-другому. Так и Ричард: он и политический деятель, и любовник, и полководец, и злодей, и еще много раз можно повернуть его характер — все по-разному будет играть.

— Стараюсь понять своего героя. Читаю, думаю, мысленно переселяюсь в тот век. Хочется не просто надеть старинный костюм, а уловить, как тогда разговаривали, ходили, смеялись, объяснялись в любви. Не внешний, а внутренний облик эпохи...

Разговор идет в гримировочной. Вячеслав Федорович Казаков сидит там же, где обычно, надевает парик, накладывает краски грима. Сейчас он мало похож на Владимира Ильича Ленина, на Михаила Васильевича Фрунзе, на Гамлета, на Нила из «Мещан» Горького. Художавое, подвинутое лицо, то и дело вскидывающаяся вверх чисто казаковским движением бровь. Взгляд стремительный, как принято говорить, колющий. В руках — граненый стакан, который он медленно поворачивает под веселым лучом.

Семь лет назад была другая встреча — за кулисами Центрального детского театра в Москве. Шел декадный спектакль «Кремлевские куранты». Казаков вышел со сцены в гриме Ленина — легкий, порывистый. Шел он, как и на сцене, ленинской походкой. Мы не знаем, как ходил Владимир Ильич, но Казаков убеждал меня, что именно так.

Только что закончен спектакль. Москвичи пылко приветствовали новый для них коллектив, нового Ленина. Да, нового, потому что казаковская трактовка не походила ни на Шкурина, ни на Штрауха, ни на Смирнова. Казаков вышел еще горячий от оваций. Шутка ли — успех в Москве. То был венец его артистической карьеры.

И все же здесь, за кулисами, Казаков продолжал оставаться Лениным. Аплодисменты, цветы, объятия друзей — все шло как-то мимо. Он не мог быть сейчас веселым товарищем, Славой Казаковым... Роль накладывала ответственность. Образ

К пятидесятилетию со дня рождения и тридцатилетию творческой деятельности
В. Ф. КАЗАКОВА

Сыграно больше ста ролей. Можно было бы долго рассказывать о казаковском Гамлете, о герое киргизского эпоса Сарынджи, о Белугине Островского, о Пеклеванове из «Бронепоезда 14—69» и многих-многих других. Но, прежде всего, конечно, о Ленине. Потому что именно работа над образом Ленина определила судьбу артиста.

Внешнее сходство? Получилось. С помощью замечательного мастера грима А. С. Потемкина, перепробовав разные варианты, добились того, что на фотографии загримированного Казакова с трудом отличишь от Владимира Ильича. А когда встречаешь его за кулисами, становишься как-то не по себе — будто живой Ленин с тобой разговаривает.

Только в общем-то это не самое главное. Загримировать лицо трудно, но можно. Создать образ — невероятно трудно.

Может быть, хорошо, что в первый раз Казаков встретился с ролью Ленина в пьесе Попова «Семья». Там Владимир Ильич юноша, гимназист. Артист как бы познакомился с семьей Ульяновых, ощутил атмосферу, в которой рос и мужал будущий вождь. И это помогло ему в дальнейшем лучше понять взрослого Ленина.

«Кремлевские куранты», «Третья патетическая», «Именем революции». Пьесы неравноценные, но каждая из них позволяет увидеть с какой-то новой стороны образ Владимира Ильича.

О Казакове в роли Ленина много написано. Не стоит подробно останавливаться на всех деталях этой самой главной для артиста работы. Хочется лишь коротко сказать о том своем, неповторимом, что внес он в трактовку неисчерпаемого по сложности и глубине образа.

Ленин — мыслитель. Это, вероятно, особенно трудно воплотить на сцене. На самом деле, как зрительно, образно передать титаническую работу ума, продолжающуюся каждодневно, ежечасно?

Выразительные средства, применяемые Казаковым, предельно просты.

Он сумел убедить нас в этом.

Образ Ленина в исполнении Казакова достоверен. Кто из зрителей видел живого Ленина? Но мы верим артисту, что он и вправду был таков.

Вся предыдущая и последующая деятельность Казакова в той или иной мере связана с образом Ленина. Когда он играл Гамлета или Фрунзе — это помогало, как бы подготавливало углубленную трактовку самой ответственной роли его репертуара.

И вот теперь Ричард. Эту трагедию Шекспира играют редко. Задача, что и говорить, труднейшая. Но после живого общения с Владимиром Ильичем любая трудность представляется преодолимой.

Для этой роли у Казакова есть очень нужные свойства артистической индивидуальности. Прежде всего — темперамент. Яркий, размашистый. Когда надо — сдержанный. Вя-

На снимке: сцена из спектакля А. Погодина «Кремлевские куранты» в постановке Русского драматического театра имени Крупской. В роли В. И. Ленина народный артист Киргизской ССР В. Ф. КАЗАКОВ.

Фото А. Егорова.